

Сергей БОРОВИКОВ

ЗАПЯТАЯ-28

В русском жанре – 88

...

Однажды, уже в девяностые, после нескольких столичных женитьб и пребывания в США приехал одноклассник Боря Фаликов, чьи повести я недавно с удовольствием напечатал в журнале «Волга».

Борька нисколько не постарел, и даже приумножил юношескую притягательность, что так пленяла женские сердца. Меня с особым удовольствием называл Серёжка, смакуя возврат в детство.

Когда я досадливо спросил, почему отсутствую среди описанных в повестях «Круги по воде» и «Виданов» персонажей, он со смешком объяснил это моей положительностью.

И правда, я сызмальства и сам ощущал её печать, на своем слишком большом лбу. Когда однажды в школе вдруг затеялся драмкружок, то на положительную роль пионера Сергея (так!) назначили меня, а на отрицательную пионера Генки – Илюшу Петрусенко.

Продолжая тему с теми же участниками, должен сказать, что другие родители поощряли дружбу со мной и косились на дружбу с Илюшей. Каким образом, а главное зачем складываются отрицательные репутации детей, если мой друг был сугубо положительным, а в случившемся нехорошем школьные учителя первым делом подозревали Петрусенко. Так, в старших классах, когда мы, продвинутые дети оттепели, увлеклись запретными именами, и почему-то возникло в разговорах имя, господи прости, Константина Бальмонта, зловещий завуч Валентина Фёдоровна, поймав в перемену и приведя в учительскую Петрусенко, первым делом спросила: «Бальмонтом интересуешься?» Она преподавала зоологию и ботанику и, услышав гадкую фамилию, осведомилась где положено, что за фамилией скрывается эмигрант.

В тему рассказа, что в тандеме с Бальмонтом находился Мережковский, и однажды я упрямил, и в библиотеке СГУ директор Вера Александровна Артисевич провела в книгохранилище, где мне выдали золочёный том издательства «Просвещение» с романом «Петр и Алексей», который конечно не одолел.

Хоть я и не был отличником или доносчиком, хулиганство было мне не по натуре. Чтобы не отрываться от Фаликова, вспомню, как однажды летом в студенчестве, купив водки, прихватив пирожков и стакан газировки, мы для куража решили выпить на крыше Дворца пионеров (бывш. городского общественного банка), куда долго взбирались по старинным пожарным лестницам. Славно было, выпивая, смотреть на раскинувшуюся панораму города, но друг мой вдруг молча схватил валявшийся кирпич и швырнул вниз с зажегшемся в его персидских очах весельем, чего мне было не понять, и не только из-за боязни, что кому-то выйдет по башке, а просто не понять. Я и драться не любил, и даже ссориться, а миролюбие было не по доброте, какой я никогда не обладал, а по нежеланию, и когда в будущие годы доводилось участвовать в актах как бы справедливого наказания, как с увольнением моих журнальных замов, я испытывал не удовлетворение, а неловкость.

Такая вот положительность.

”

Было у меня в СССР по матери два дяди и одна тётка и ещё две тётки в Австралии. И по отцу две тётки в Белоруссии и один дядя в Ташкенте. Я к ним и они ко мне были совершенно равнодушны, кроме дяди Франца, художника, который жил в Ленинграде и сердился, что я зову его на вы. Но, как я уже где-то заметил, мои родители были людьми крайне чопорными.

”

Книгу Тэффи «Неживой зверь» изд. «Новый Сатирикон», Петроград, 1916, купил не помню где именно, но точно в Питере, на форзаце штампик 4-00 и карандашные зачёркнутые следы уценки с 6, 5, карандашом же 75, вероятно год покупки. Еще приклеен фиолетовый ярлычок «Книжный магазин Ив. Ив. Митюрникова Петроград, Литейный пр. 31. Тел 90-12».

Справился в Сети: «Митюрников, Иван Иванович. Владелец книжного магазина на Литейном проспекте, 31, в Петербурге, предположительно основанного в 1902 году и просуществовавшего до 1918 года. В магазин поступала большая часть тиражей изданий Серебряного века, в том числе и авторские экземпляры, благодаря чему Митюрников был хорошо знаком с А.А. Блоком, В.В. Розановым, С.А. Есениным и другими литераторами начала 20 века».

Дурно то, что, поначалу заскучав, я ту книгу не прочитал и много лет не пытался, лишь в старости и в других изданиях оценил редкий дар Надежды Александровны.

”

Как замечательно обращался Бунин к Тэффи – сестрица. «Дорогая милая сестрица...»

Нет, а как иначе? Он высоко ценил её писательский талант. В литературной иерархии она была как бы ступенькой ниже, а по возрасту почти одноклассник, по жизни родной человек, дружба без почти обязательного Ивану Алексеевичу эротизма...

Сестрица – как славно.

”

Каяться так каяться – когда ж ещё – так каяться. Из самых тягостных свойств природы меня чаще одолевало наваждение вариативности всего, что далеко и близко, высоко или низко... мучительное, признаюсь.

«Отличительной чертой председателя Голубева была неодолимая склонность к сомнениям. <...>

Право на выбор его всегда тяготило. Он невыносимо мучился, когда раздумывал, какую сегодня надеть рубашку – зеленую или синюю, какие сапоги – старые или новые. Правда, за последние двадцать с лишним лет в стране было много сделано для того, чтобы Голубев не сомневался, но какие-то сомнения у него все-таки оставались и распространялись порой даже на такие вещи, в которых вообще сомневаться в то время было не принято (В. Войнович. Жизнь и приключения солдата Ивана Чонкина).

Это в точности про меня. Можно подумать, что Владимир Николаевич с меня и писал, но ко времени нашего знакомства Чонкин уже победоносно разгуливал по свету.

”

Вот заметил за собой склонность, скорее всего излишнюю, особо пристально копаться в текстах и лентах именно самого скверного в смысле культуры, самого тусклого для неё времени с 1946 по 1953 год, вероятно потому, что это время моего начального детства.

Толчком обычно служит ТВ, а что же ещё? Ну, и голова верстает увиденное с панорамой советского искусства вообще, конечно и не без соотнесения с современностью. Нынешней антиамериканской политике оказываются весьма созвучны фильмы вроде «Заговора обреченных» (1950), где несравненный Вергинский исполнил роль католического негодяя, кардинала Бирнча, и не впустую постарался, удостоившись в 1951 году пусть и третьей степени, но Сталинской, премии. А кто ещё делал эту ленту?

Актеры кроме Вергинского Всеволод Аксёнов, Владимир Дружников, Павел Кадочников, Максим Штраух, Олег Жаков, Иван Пельтцер, Илья Судаков, Софья Пилявская, Валентина Серова, Ростислав Плятт, Георгий Милляр. Впечатляет список, где и великие мхатовцы, как первый постановщик «Дней Турбинных» и подруга её автора и т.д., отмеченные куда прежде печального Пьеро сталинским знаком отличия, как и композитор Виссарион Шебалин, как и режиссёр, ни больше ни меньше как Михаил Калатозов... так кто же повинен в убогой скверности ленты кроме её генерального заказчика? Тогда назвать автора сценария, любимца того же заказчика писателя Николая Вирту, к слову помеченного верховным значком аж четырёхжды.

Надо важно взглянуть на социальные корни творцов киноагитки.

Вирта сын расстрелянного священника Карельского.

Аксёнов окончил гимназию и прослужил год в Морском ведомстве.

Штраух сын статского советника

Пельтцер из актёрской семьи.

Судаков сын дьячка.

Пилявская дочь сосланного в Сибирь польского деятеля.

Плятт сын поляка же, успешного адвоката.

Калатозов из древнего княжеского рода.

Шебалин – сын преподавателя гимназии.

Как они относились к своим корням, не знаю, но широко известно, что Карельский-Вирта сделал литературную карьеру, обосрав в романе «Одиночество» (1935) отца и других участников восстания тамбовских крестьян 1920-21 гг.

А художественно-исторический ужас лет малокартинья это, конечно, ленты о великих русских людях. Мрак, мрак.

”

Вот ещё от друга Илюши.

«Работник Никита, один в этот день не пьяный из работников Василия Андреича, побежал запрягать. Никита не был пьян в этот день потому, что он был пьяница, и теперь, с заговен, во время которых он пропил с себя поддевку и кожаные сапоги, он зарекся пить и не пил второй месяц; не пил и теперь, несмотря на соблазн везде распиваемого вина в первые два дня праздника» (Л.Толстой. Хозяин и работник).

Мы тогда удивлялись и радовались тому, как Лев Николаевич понимал секреты поведения пьющего человека. Ведь это так важно было для нас.

”

Я уж где-то вспоминал о споре с Олегом Михайловым по поводу юмора, который я видел, а он нет, у Бунина, и вот, мне ещё попало в мою пользу: *«Дьявольское однообразие опер, певиц, певцов. Вопли с колоратурами героини и вопли тенора. Гогочущий, угрожающий бас (или баритон), его заносчивая гордость, театральная мужественность, готовность схватиться за шпагу... Контрасты, особенно подчеркнутые в ее дуэте с тенором, – то оба совсем замирают, то вдруг отчаянно, спеша перекричат друг друга, возносят голоса, надрываясь из всех сил; то сходятся, то расходятся. Но*

крепко помнят, что держат как бы экзамен. Удалось! И взрыв аплодисментов» (Бунин. Записные книжки. Литературное наследство. Т. 110).

”

«Больше всего Мандельштам почему-то ненавидел Леонова» (Ахматова).

”

Среди друзей моего старшего брата был партработник, которому брат бросал за столом реплики вроде: «Это ты у себя в райкоме рассказывай!» Фамилия его была Михайлов, и все его называли: «Вовочка Михайлов». Почему так, не знаю.

Он был пригож, даже красив, брюнет с неторопливым взглядом и в меру чувственным ртом, худой и высокий – словом то, что нравится женщинам.

Потом, уже в перестройку, он сделался секретарем парткома областного УВД, ездил на чёрной «Волге», любил показаться в ментовском мундире с полковничьими погонами.

Я с ним встречался на каких-то опять-таки с прошлой жизнью связанных событиях, вроде за-поздалых поминок по непутёвому еврею Володе Мермону, чьё захоронение наконец обнаружили на каком-то московском кладбище.

Вовочка был родной брат известной Регины Леонтьевны, завзalom ресторана «Волга», они дети репрессированных. Когда доморощенные диссидюги вроде моего брата спрашивали, как это его занесло в партчиновники, объяснял, что решил делать карьеру с единственной целью узнать фамилию автора доноса на отца в тридцать седьмом.

”

«Господствующая власть и господствующая правда не видят себя в зеркале времени, поэтому они не видят и своих начал, границ и концов, не видят своего старого и смешного лица, комического характера своих претензий на вечность и неотменность» (М.М. Бахтин).

2024